

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2021, №2, Том 12 / 2021, No 2, Vol 12 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2021.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/20FLSK221.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Богатырева А.И., Кошарная С.А. Языковая личность персонажа в дискурсивном представлении: герои-антагонисты в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2021 №2, <https://sfk-mn.ru/PDF/20FLSK221.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Bogatyreva A.I., Kosharnaya S.A. (2021). Speech as an element of the portrait of a character in the A.S. Pushkin's novel «Evgeny Onegin» as a linguistic and cultural marker. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 2(12). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/20FLSK221.pdf> (in Russian)

УДК 811.1

ГРНТИ 16.01.07

Богатырева Анастасия Игоревна

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия
Магистрант кафедры «Русского языка и русской литературы»
E-mail: 1086065@bsu.edu.ru

Кошарная Светлана Алексеевна

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия
Профессор кафедры «Русского языка и литературы»
Доктор филологических наук, профессор
E-mail: kosharnaja@bsu.edu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4541-3979>
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=354860

**Языковая личность персонажа
в дискурсивном представлении: герои-антагонисты
в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»**

Аннотация. В данной статье рассматриваются практические вопросы лингвоперсонологии, связанные с осмыслением двух ключевых персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», выступающих в качестве идейных антагонистов, что находит отражение в дискурсивной репрезентации языковой личности героев. На сегодняшний день лингвистические исследования в области лингвоперсонологии не коснулись дискурсивного анализа образов литературных героев «Братьев Карамазовых». Между тем анализ их языковой презентации и самопрезентации в романе имеет не только узкопрактическое, но теоретическое значение, так как выявляет некоторые общие подходы к описанию художественной (искусственной, фиктивной) языковой личности.

Автор романа акцентирует внимание читателя на тезаурусе персонажей, что детерминирует целенаправленный отбор ключевых лексем, вербализующих смысловые доминанты Алёши и Ивана Карамазовых. При обращении к вопросам дискурсивного представления личности персонажа как художественной («фиктивной») языковой личности продуктивным оказывается подход к описанию языковой личности, предложенный в работах Ю.Н. Караулова и его последователей. При этом в раскрытии художественного образа персонажа можно вычленить несколько дискурсивных «тем»: портретная зарисовка; реплики

героя (внешняя речь); внутренняя речь. Анализ фрагментов, репрезентирующих внешнюю и внутреннюю речь Ивана Федоровича и Алеши Карамазова, позволил выявить ключевые содержательные особенности рассматриваемых художественных образов романа Ф.М. Достоевского. Полученные результаты позволяют говорить о том, что теория языковой личности вполне применима к описанию фиктивной — художественной — «языковой личности» персонажа, а интегративный, лингво-литературоведческий, подход оказывается продуктивным в области дискурсивного анализа художественного текста и его составляющих.

Ключевые слова: языковая личность; лингвоперсонология; Ф.М. Достоевский; «Братья Карамазовы»; дискурс; ключевое слово; смысловая доминанта

Введение

В современной лингвистике есть несколько терминов для обозначения человека «говорящего» как объекта научного исследования: *речевой портрет*, *речевая характеристика*, *языковой портрет*, *языковая личность*, *коммуникативная личность* и др. Однако к охарактеризованным трем направлениям стоит добавить исследования, связанные с изучением языковой личности персонажа в контексте анализа художественного текста.

Известно, что попытка реконструкции авторской языковой личности была сделана Ю.Н. Карауловым. Ю.Н. Караулов первым сделал шаги и в реконструкции «фиктивной» или персонажной языковой личности, обозначив проблему соотношения понятий «языковая личность» и «художественный образ». Он акцентирует внимание на связи нового лингвистического метода с традиционным литературоведческим анализом художественного образа [1, с. 68–83].

Заметим, что термин «языковой портрет» не вносит ясности в современную терминологическую ситуацию. Он находится на стыке дисциплин, изучающих художественный текст. Общность лингвистического и литературоведческого подходов к анализу художественного текста позволяет определить «языковой портрет» как некоторый синтез понятий «портрет», «речевая характеристика» и «языковая личность» литературного героя. Так, языковой портрет — контаминация портретной и речевой характеристик персонажа, необходимых для лингвистической реконструкции целостного художественного образа. В нашей работе мы рассматриваем языковой портрет как дискурсивную реализацию языковой личности персонажа, при этом по формальным признакам такая — фиктивная — языковая личность не отличается от любой другой языковой личности, реализующей себя в языке и через язык.

В задачи нашего исследования входит анализ языковых личностей двух ключевых персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». На сегодняшний день лингвистические исследования в области лингвоперсонологии не коснулись дискурсивного анализа образов литературных героев «Братьев Карамазовых». Между тем анализ их языковой презентации и самопрезентации в романе имеет не только узкопрактическое, но теоретическое значение, так как выявляет некоторые общие подходы к описанию художественной (искусственной, фиктивной) языковой личности.

Методологической основой нашего исследования являются положения лингвистической персонологии, основы которой были заложены или разрабатываются ныне в трудах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, В.В. Виноградова, Л.Я. Гинзбург, Ю.Н. Караулова, А.А. Реформатского, К.Ф. Седого, Ю.С. Степанова, В.Н. Телии, Д.Н. Шмелева, современные исследования Е.А. Иванчиковой, Л.А. Лавровой, И.Я. Чернухиной, Л.Н. Чурилиной и др. В основу анализа положены «теория отражения», принцип системности, репрезентирующие взаимосвязь языковой и ментальной картин мира, а также теория языковой личности

Ю.Н. Караулова. При этом заметим, что если Ю.Н. Караулов в своей отправной работе при анализе дискурса персонажа не касался уровня описания языковой личности литературного героя, поскольку исследование носило «проблемно-постановочный» характер [1, с. 72], то работы последующих лет в области лингвоперсонологии отталкивались исключительно от этой теории [2–7 и др.].

Ведущим методом исследования в данной работе является *метод лингвокультурологической реконструкции языковой личности персонажа*, который конституируется в наших работах как особый метод лингвистического исследования, сочетающий лингвистический, литературоведческий и культурологический аспекты в описании словаря и дискурса персонажа художественного произведения.

Результаты

Исследование общих формальных и содержательных характеристик дискурсов Алеши и Ивана Карамазовых позволяет выявить смысловые доминанты художественных образов этих героев. Рассмотрение количественно-качественного состава лексики анализируемых персонажей романа Ф.М. Достоевского и тематическая и семантическая классификации входящих в тезаурусы героев лексических единиц позволили выявить ключевые слова в дискурсе персонажей, репрезентирующие специфику ментальной картины мира художественной («фиктивной») языковой личности. Анализ дискурсивного представления личности персонажа как художественной («фиктивной») языковой личности позволил вычленить несколько дискурсивных «тем»: портретная зарисовка; реплики героя (внешняя речь); внутренняя речь. Анализ фрагментов, репрезентирующих внешнюю и внутреннюю речь Ивана Федоровича и Алеши Карамазова, позволил выявить ключевые содержательные особенности рассматриваемых художественных образов романа Ф.М. Достоевского.

Обсуждение

Идейное содержание романа «Братья Карамазовы» заставляет обратить особое внимание на двух «косвенных» антагонистов романа Ф.М. Достоевского — *Ивана и Алеши Карамазовых*. На наш взгляд, проблема идейного столкновения не Ивана Федоровича и старца Зосимы, а Ивана и Алёши обладает определенной научной новизной, при этом исследование этой диады не выходит за рамки основного идейного конфликта романа, поскольку Алеша — главный, по замыслу автора, герой «Братьев Карамазовых» — является учеником и продолжателем идей старца Зосимы.

Особенность рассмотрения именно этого конфликта заключается в том, что Алеша Карамазов, в отличие от своего учителя, — *не идеолог*. В предисловии к роману среди прочих характеристик, разъясняющих образ главного героя читателю, Ф.М. Достоевский специально обозначает Алешу как «*деятеля*» [8, с. 5].

Идейное содержание романа «Братья Карамазовы» заставляет обратить особое внимание на эту характеристику, поскольку она непосредственно связывается с концепцией «*деятельной любви*», которую Ф.М. Достоевский эксплицирует в романе через образы старца Зосимы и его ученика. В связи с этим в качестве рабочей гипотезы примем утверждение, согласно которому смысловой доминантой образа Алеши Карамазова является определение «*деятель*». Дальнейшее лингвистическое исследование позволит подтвердить или опровергнуть это утверждение.

Ю.Н. Караулов при лингвистической реконструкции художественного образа особое внимание уделял анализу «внутреннего» дискурса героя. Отталкиваясь от направления

исследования, которое задавал сам художественный текст [1, с. 72], он установил, что значимым, помимо прочего, является объем внешней и внутренней речи и их соотношение [1, с. 75].

Количественное соотношение внешней и внутренней речи Ивана Федоровича и Алеши Карамазова позволило нам выявить некоторые содержательные особенности рассматриваемых художественных образов Ф.М. Достоевского. Статистические подсчеты лексических единиц дискурсов обоих персонажей — соотношение внешнего и внутреннего дискурсов Ивана и Алеши Карамазовых — обозначены в таблице 1 (составлено соавтором — А.И. Богатыревой — на основе сплошной выборки). Числовые показатели равны количеству лексических единиц, составляющих совокупные тексты, представляющие собой внешнюю и внутреннюю речь героев.

Таблица 1

Соотношение внешнего и внутреннего дискурсов Ивана и Алеши Карамазовых

Количество лексических единиц	Алеша Карамазов	Иван Карамазов
Внутренний дискурс	7148	3568
Внешний дискурс	10742	24923
Общее число	17890	28491

Уже в первом приближении примечательно, что общий дискурс Ивана Карамазова почти в два раза превышает объем дискурса главного героя романа. Причем такой количественный разрыв обеспечивает число лексических единиц *внешнего дискурса героя-идеолога* Ф.М. Достоевского. Действительно, определение Ивана Карамазова как одного из *идеологов* романа «Братья Карамазовы» может быть подтверждено уже совокупным числом обращенных к другим персонажам высказываний этого героя.

Особенность внешнего дискурса Ивана Карамазова заключается не только в количественном преобладании объема принадлежащих герою текстовых фрагментов над их количеством в речи основного персонажа, но и в формальном выражении этих высказываний. К сожалению, здесь затруднительно привести доказывающие эту мысль фрагменты текста (они были бы слишком велики по объему), однако достаточно отметить, что в число прямых высказываний Ивана Карамазова входят: (1) комментирование некоторых положений его собственной критической статьи о «церковно-общественном суде»; (2) устная поэма «Великий инквизитор» и (3) выдержки из поэмы «Геологический переворот». Все эти художественно-публицистические жанры представлены в дискурсе Ивана Федоровича в форме устной неподготовленной монологической речи, и этот факт свидетельствует о высоком уровне развития героя не только как философа, но и как *ритора*.

Сравнительное меньшинство лексических единиц внешнего дискурса Алеши Карамазова также требует специального комментария. Особенность образа главного героя «Братьев Карамазовых» заключается в том, что этот герой — скорее, *слушатель*, нежели оратор. Среди прямых высказываний Алеши Карамазова можно выделить несколько фрагментов развернутой монологической речи (см., например, его размышление о бедном штабс-капитане Снегиреве; речь у камня в эпилоге романа), однако это не изменяет качественно другого наполнения этого образа.

В персонажной и неперсонажной субъектных речевых сферах (Л.Н. Чурилина [9]) романа не раз усматривалось косвенное указание автора на особую роль Алеши Карамазова в качестве *исповедника*, принимающего исповедь других героев. Так, несколько глав «Братьев Карамазовых» эксплицируют исповедальный характер беседы Мити и Алеши Карамазовых в «надтекстовой» позиции произведения — в заглавии (три главы с одноименным началом — «Исповедь горячего сердца. В стихах / В анекдотах / «Вверх пятами»)» [8, с. 93–113]).

Исповедальность центрального диалога Ивана и Алеши Карамазовых подчеркивается в сфере персонажной субъектной речевой презентации самого Ивана Федоровича: «*Я нарочно начал этот наш с тобой разговор, как глупее нельзя начать, но довел до моей исповеди, потому что ее только тебе и надо. Не о боге тебе нужно было, а лишь нужно было узнать, чем живет твой любимый тобою брат*» [8, с. 215].

Тем не менее исповедь (за исключением, может быть, беседы старца Зосимы с народом и Екатериной Осиповной Хохлаковой [8, с. 43–49, 51–54]) никогда не трактовалась в романе как официальный церковный обряд «отпущения» грехов исповедника перед священнослужителем и Богом. Этот факт становится закономерным, если взглянуть на другой содержательный элемент образа Алеши Карамазова. В дискурсе старца Зосимы встречаем: «*Мыслью о тебе [Алеше] так: изыдешь из стен сих, а в миру пребудешь как инок*» [8, с. 259]. Действительно, факт *принятия исповеди в форме дружеской доверительной беседы* органично встраивается в особенности *мирского иноческого* пути главного героя романа «Братья Карамазовы».

Таким образом, анализ только статистических данных о количестве лексических единиц в составе *прямых высказываний* Ивана и Алеши Карамазовых позволяет сделать предварительный вывод о содержательных особенностях художественных образов этих героев.

Внутренний дискурс Алеши Карамазова превышает в количественном отношении совокупное число эксплицированных в тексте мыслей Ивана Карамазова (см.: табл. 1). Этот факт, с одной стороны, связан с композиционным замыслом Ф.М. Достоевского: Алеша Карамазов — центральный персонаж «Братьев Карамазовых» (несмотря на сравнительно малый объем его прямых высказываний), и поэтому большинство событий романа раскрываются сквозь призму восприятия именно этого героя. Иван Карамазов, по замыслу Ф.М. Достоевского, — «загадка» [8, с. 269], разгадывать которую автор предлагает не только вымышленному персонажу, но и читателю. Тайна образа Ивана Федоровича заключается в том, что внутренний мир этого героя, его мысли и чувства далеко не сразу становятся известны читающему. Так, опираясь на подход к описанию языковой личности литературного персонажа, представленный в работах Н.Д. Арутюновой [10, с. 369–381], в раскрытии образа героя-идеолога романа можно вычленил несколько дискурсивных «тем»: (1) портретная зарисовка; (2) реплики героя, в том числе комментирование статьи о «церковно-общественном суде» и поэма «Великий инквизитор»; (3) внутренняя речь Ивана Федоровича.

Примечательно, что внутренний дискурс этого героя появляется на страницах романа сразу после трех центральных философских глав книги «Pro и Contra» («Братья знакомятся», «Бунт», «Великий инквизитор»), в которых мыслитель Ф.М. Достоевского «*проговаривает, теоретически излагает* математическое доказательство формулы «*все позволено*» [8, с. 240]. По замыслу автора, *описание внутреннего мира* героя в последующих главах романа обнаружит душевную неготовность Ивана Федоровича следовать этой формуле. Ф.М. Достоевский не впервые использует антитезу «разум vs сердце». Художественное осмысление этой коллизии стало основой романа «Преступление и наказание», причем форма воплощения конфликта оказалась той же: внешняя речь главного героя демонстрирует теорию Раскольникова — авторские ремарки по поводу мыслей и чувств персонажа развенчивают ложь первоначальной математики разума.

Изложенное выше свидетельствует о том, что все текстовые фрагменты, посвященные экспликации мыслей Ивана Карамазова, не выходят за рамки *самоанализа* героя. Исключение может составлять Смердяков, размышление по поводу действий которого также входит во внутренний дискурс Ивана Федоровича. Однако особенность этих размышлений заключается все в той же направленности мыслей героя на разрешение собственных душевных противоречий: «*Страшный кошмар мыслей и ощущений кипел в его [Ивана Федоровича] душе.*

«Идти объявить сейчас на Смердякова? Но что же объявить: он все-таки невинен. Он, напротив, меня же обвинит. В самом деле, для чего я тогда поехал в Чермашню? Для чего, для чего? — спрашивал Иван Федорович. — Да, конечно, я чего-то ожидал, и он прав...» И ему опять в сотый раз припомнилось, как он в последнюю ночь у отца подслушивал к нему с лестницы, но с таким уже страданием теперь припомнилось, что он даже остановился на месте как пронзенный: «Да, я этого тогда ждал, это правда! Я хотел, я именно хотел убийства! Хотел ли я убийства, хотел ли?.. Надо убить Смердякова!.. Если я не смею теперь убить Смердякова, то не стоит и жить!..»» [11, с. 54].

Подобная «спаянность» мыслей закономерна: если Иван Федорович — теоретик, «разработавший» формулу «все позволено», то Смердяков — исполнитель этой теории. По замыслу Ф.М. Достоевского, катализатором душевной болезни Ивана Карамазова становится именно чувство вины героя за совершенное вместе со Смердяковым убийство Федора Павловича.

Если внутренняя речь Ивана Карамазова направлена на самоанализ героя, то внутренний дискурс Алеши Карамазова нацелен на анализ других героев. Приведем несколько текстовых фрагментов в доказательство этого утверждения: *«Ум его был тоже как бы раздроблен и разбросан, тогда как сам он вместе с тем чувствовал, что боится соединить разбросанное и снять общую идею со всех мучительных противоречий, пережитых им в этот день. <...> Надо всем стоял, как гора, главный, роковой и неразрешимый вопрос: чем кончится у отца с братом Дмитрием пред этою страшною женщиной?»* [8, с. 132]; *«Он понимал инстинктом, что теперь, например, в судьбе двух братьев его это соперничество слишком важный вопрос и от которого слишком много зависит. «Один гад съест другую гадину», — произнес вчера брат Иван, говоря в раздражении про отца и брата Дмитрия. Стало быть, брат Дмитрий в глазах его гад и, может быть, давно уже гад? Не с тех ли пор, как узнал брат Иван Катерину Ивановну? Слова эти, конечно, вырвались у Ивана вчера невольно, но тем важнее, что невольно. Если так, то какой же тут мир? Не новые ли, напротив, поводы к ненависти и вражде в их семействе? А главное, кого ему, Алеше, жалеть? И что каждому пожелать? Он любит их обоих, но что каждому из них пожелать среди таких страшных противоречий?»* [8, с. 70].

Алеша Карамазов — центральный персонаж «Братьев Карамазовых», поэтому вполне закономерно, что портретные характеристики некоторых героев даются внутри дискурса именно этого персонажа. Однако в этом прослеживается и идейный замысел Ф.М. Достоевского. Рассмотрим, например, портрет Грушеньки в дискурсе Алеши Карамазова: *«Вот она, эта ужасная женщина — «зверь», как полчаса назад вырвалось про нее у брата Ивана. <...> казалось бы, самое обыкновенное и простое существо на взгляд, — добрая, милая женщина, положим красивая, но так похожая на всех других красивых, но «обыкновенных» женщин! <...> Алешу поразило всего более в этом лице его детское, простодушное выражение. Она глядела как дитя, радовалась чему-то как дитя, она именно подошла к столу, «радуясь» и как бы сейчас чего-то ожидая с самым детским нетерпеливым и доверчивым любопытством. Взгляд ее веселил душу — Алеша это почувствовал. Было и еще что-то в ней, <...> эта мягкость, нежность движений тела, эта кошачья неслышность этих движений. <...> он, с неприятным каким-то ощущением и как бы жалея, спрашивал себя: зачем это она так тянет слова и не может говорить натурально? <...> этот выговор и интонация слов представлялись Алеше почти невозможным каким-то противоречием этому детски простодушному и радостному выражению лица, этому тихому, счастливому, как у младенца, сиянию глаз!»* [8, с. 136–137].

Ф.М. Достоевскому было важно продемонстрировать умение главного героя «всматриваться» в духовный облик ближнего. В дискурсе Ивана Карамазова также дается

портретная характеристика Смердякова (Иван Федорович отмечает одновременную надменность и подбострастность героя [11, с. 50]), однако конечная цель анализа Ивана Федоровича замыкается на определении его собственной роли в трагедии семейства. Напротив, анализ Алеши Карамазова всегда обусловлен его стремлением разглядеть сущность другого человека. Иными словами, *Иван Карамазов разгадывает «загадку» собственного душевного противоречия, ученик старца Зосимы, «человеколюбец»* [8, с. 17] — *тайну души ближнего*.

Следует отметить, что дополнительным подтверждением особой устремленности души Алеши Карамазова является ключевой характер лексемы *загадка*, не раз использованной автором при описании внутренней речи героя: *«Он положил непременно, как только найдется время, разыскать его [Илюшу] и разъяснить эту чрезвычайно поразившую его загадку»* [8, с. 164]; *«Дело в том, что тут для Алеши разрешалось теперь одно из его сомнений, одна беспокойная загадка, с некоторого времени его мучившая»* [8, с. 169].

Заметим, что иерархия ценностей литературного героя может быть выстроена на основе системы «ключевых слов-тем» или «идеологем» его дискурса [1, с. 74]. Так, по нашим наблюдениям, ассоциативно-смысловая цепочка, характерная дискурсу Ивана Карамазова, может быть представлена ключевыми словами: *вопрос — человечество — страдание*. Синонимические ряды, в которых ключевое слово оказывается смысловой доминантой, также информативны в контексте осмысления языковой личности персонажа: *страдание (25) — надрыв (5); смятение (4); ужас (4); горе (1)*. Все приведенные лексические единицы входят в философский субдискурс героя.

Для лексикона Алеши наиболее частотными оказались такие лексемы, как *брат (69), дело (27), Бог (25), отец (25), человек (20), жизнь (20), слово (20)* и некоторые другие.

Особенностью образа Алеши Карамазова является его умение *не только «всматриваться» в духовный облик героя, но и видеть светлую сторону этого облика*. Так, по наблюдению героя, душевный свет образа Грушеньки заключается в детскости ее натуры (ср.: *«зверь»* в субъектной (прямой) речи Ивана Карамазова). Светлая характеристика присутствует и в портретной зарисовке Катерины Ивановны: *«и однако же, несмотря на то, было столько света в лице ее, столько веры в будущее»* [8, с. 134]. Примечательны обороты *«однако же»* и *«несмотря на»* в дискурсе Алеши Карамазова. Они демонстрируют способность главного героя Ф.М. Достоевского *видеть противоречие человеческой натуры, души*.

Внутренний дискурс Алеши Карамазова содержит всего два текстовых фрагмента, эксплицирующих самоанализ героя: *«Алеши произнес тогда свое мнение, краснея и досадуя на себя, что, поддавшись просьбам брата, высказал такие «глупые» мысли. Потому что ему самому его мнение показалось ужасно как глупым тотчас же, как он его высказал. Да и стыдно стало ему высказывать так властно мнение о женщине»* [8, с. 135]; *«У него было действительно серьезное горе, из таких, какие он доселе редко испытывал. Он выскочил и «наглупил» — и в каком же деле: в любовных чувствах! «Ну что я в этом понимаю, что я в этих делах разбирать могу? — в сотый раз повторял он про себя, краснея, — ох, стыд бы ничего, стыд только должное мне наказание, — беда в том, что несомненно теперь я буду причиной новых несчастий... А старец посылал меня, чтобы примирить и соединить. Так ли соединяют?» Тут он вдруг опять припомнил, как он «соединил руки», и страшно стыдно стало ему опять. «Хоть я сделал это всё и искренно, но вперед надо быть умнее», — заключил он вдруг и даже не улыбнулся своему заключению»* [8, с. 178–179].

Характерно, что оба контекста объединяет чувство беспокойства героя по поводу «глупости» его мыслей о женщине и любви. Это чувство ожидаемо, поскольку сочетается с природной особенностью героя, словесно отраженной в неперсонажной (авторской) речи в тексте романа: *«черта эта в нем была дикая, исступленная стыдливость и целомудренность»*.

Он не мог слышать известных слов и известных разговоров про женщин» [8, с. 19]. Второй текстовый фрагмент снова демонстрирует нацеленность Алеши Карамазова на судьбу *другого*: даже самоанализ героя возвращает его к мысли о ближнем.

Таким образом, исследование общих формальных и содержательных характеристик дискурсов Алеши и Ивана Карамазовых позволяет выявить некоторые смысловые доминанты художественных образов этих героев (таблица 2).

Таблица 2

Результат анализа общих характеристик дискурсов Алеши и Ивана Карамазовых

Алеша Карамазов	Иван Карамазов
<i>деятель</i>	<i>мыслитель</i>
<i>слушатель</i>	<i>оратор</i>
<i>внутренняя речь направлена на анализ «другого»</i>	<i>внутренняя речь направлена на самоанализ</i>

Изложенное выше свидетельствует о том, что текстовые фрагменты, посвященные экспликации мыслей Алеши Карамазова, направлены на желание понять мысли и душу других персонажей, а речевая самопрезентация Ивана Карамазова и авторские ремарки по поводу данного героя не выходят за рамки *самоанализа* этого персонажа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов; Отв. ред. Д.Н. Шмелев. — Москва: Наука, 1987. — 261 с.
2. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. — Томск: 1992. — 312 с.
3. Трещалина И.В. Языковая личность персонажа в прозе А.П. Чехова конца 80-х — начала 90-х годов (лексико-семантический аспект): дис. ... канд. филол. наук / И.В. Трещалина — Тверь, 1998 — 167 с.
4. Кузнецов З.А. Языковая личность в литературно-художественном дискурсе Эрнеста Хемингуэя: дис. ... канд. филол. наук / З.А. Кузнецов; Иркутский гос. лингв. ун-т. — Иркутск, 1999 — 154 с.
5. Лаврова Л.А. Лексические средства презентации духовного мира персонажа (по роману Ф.М. Достоевского «Идиот»): дис. ... канд. филол. наук / Л.А. Лаврова; Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. — Санкт-Петербург, 1999 — 132 с.
6. Залогина Е.М. Языковая личность: лингвистический и психологический аспекты: на материале романа «Бесы» и «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. — Санкт-Петербург, 2004. — 20 с.
7. Чурилина Л.Н. «Языковая личность» в художественном тексте / Л.Н. Чурилина. — Москва: Флинта, 2017. — 239 с.
8. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский // Пол. собр. соч.: в 30 т. — Ленинград: Наука, 1976(а). — Т. 14. — С. 5–508.
9. Чурилина Л.Н. Лексическая структура текстовых фрагментов с прямой речью (на материале романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Н. Чурилина; Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. — Санкт-Петербург, 1994 — 17 с.
10. Арутюнова Н.Д. Два эскиза к «геометрии» Достоевского // Логический анализ языка. Языки пространств. — М.: 2000. — С. 369–381.
11. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский // Пол. собр. соч.: в 30 т. — Ленинград: Наука, 1976(б). — Т. 15. — С. 5–197.

Bogatyreva Anastasia Igorevna

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia
E-mail: 1086065@bsu.edu.ru

Kosharnaya Svetlana Alekseevna

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia
E-mail: kosharnaja@bsu.edu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4541-3979>

РИИЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=354860

Speech as an element of the portrait of a character in the A.S. Pushkin's novel «Evgeny Onegin» as a linguistic and cultural marker

Abstract. This article deals with the practical issues of linguopersonology related to the understanding of the two key characters of F.M. Dostoevsky's novel «The Brothers Karamazov», acting as ideological antagonists, which is reflected in the discursive representation of the linguistic personality of the characters. To date, linguistic research in the field of linguopersonology has not touched the discursive analysis of the images of the literary heroes of the "Brothers Karamazov". Meanwhile, the analysis of their linguistic presentation and self-presentation in the novel has not only narrowly practical, but also theoretical significance, as it reveals some common approaches to the description of artistic (artificial, fictitious) language personality.

The author of the novel focuses the reader's attention on the thesaurus of characters, which determines the purposeful selection of key lexemes that verbalize the semantic dominants of Alyosha and Ivan Karamazov. When addressing the issues of discursive representation of the character's personality as artistic («fictitious») personality the approach to the description of the linguistic personality proposed in the works of Yu.N. Karaulov and his followers is productive. At the same time, in the disclosure of the artistic image of the character, several discursive "themes" can be identified: portrait drawing; replicas of the hero (external speech); internal speech. The analysis of fragments representing the external and internal speech of Ivan Fedorovich and Alyosha Karamazov revealed the key content features of the considered artistic images of the novel by F.M. Dostoevsky. The results obtained suggest that the theory of language personality is quite applicable to the description of fictitious-artistic — «language personality» of a character, and the integrative, linguistic-literary, approach is productive in the field of discursive analysis of a literary text and its components.

Keywords: language personality; linguopersonology; F.M. Dostoevsky; «The Brothers Karamazov»; discourse; keyword; semantic dominant